

А. А. АЛЕКСЕЕВ

СТАРОЕ И НОВОЕ В ЯЗЫКЕ РАДИЩЕВА

Произведения Радищева заметно возвышаются надо всем, что было создано в России XVIII в., отличаясь ясностью и мощью критической мысли, решительностью политического мировоззрения, безукоризненной нравственной позицией. Всего этого достаточно, чтобы обратить внимание на их язык, явившийся материальной основой большого духовного богатства. В частности, несомненно полезно будет рассмотреть, как и из чего складывался этот язык, в какой степени языковое развитие XVIII в. обеспечивало возможность успешного изложения содержания произведений Радищева, какие черты носило его языковое новаторство, короче говоря, что в его языке было новое и что старое. Настоящие заметки стремятся внести посильный вклад в изучение языка Радищева, прежде всего имея в виду названную задачу.

1. Отношение к иноязычным лексическим элементам характеризовалось у Радищева известным пуризмом. Новые заимствования из европейских языков у него немногочисленны и зачастую снабжены собственно русскими или славяно-русскими словами-аналогами, глоссами, словарными переводами. В «Путешествии» 75 гречизмов с 22 русскими дериватами, 73 латинизма с 15 производными, 35 галлицизмов с 10 производными, 29 германизмов с 8 производными, заимствования из других языков единичны.¹ Ср. примеры глосс: *амбицио* — *спискание, обхождение, любочестие*; *канал* — *водовод, река рукодельная*; *афеист* — *безбожник, вольнодумец*. Без соответствий остались слова *республика, цензура, ценсор*.² В трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» заимствований гораздо больше, что связано с содержанием философского трактата. Так, без каких-либо соответствий встречаются слова *аллегория, анализис, гипотеза, машинально, организация, полип, призма, сплин, фибры, флогистон*,

¹ См.: *Литовченко Е. И.* Замены заимствованных слов в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — В кн.: *Язык художественных произведений*. Омск, 1966, с. 87.

² Там же, с. 89—92.

хартя, элаборация (как кажется, единственное употребление на весь XVIII в.), *эфир, ферментация* и др.³ В переводе «Рассуждения» Мабли встречаем: *диверсия, контрибуция, нация, негоциация* и др., в «Письме о китайском торге» — *проблемма*. Отметим также причастия, образованные от заимствованных корней: *электризуем, минерализованный*. Такие образования не получали одобрения в «Грамматике» Ломоносова. Любопытны глоссы в рассуждении «О человеке...»: *единословие или монолог, кристаллизация или руденение, кристаллизация или стеклование, сила или энергия*. К слову образование дается иноязычное соответствие, проясняющее его семантику, — *modification*. Ср. глоссы в «Житии Ф. В. Ушакова»: *порошинка* (атом), *экзамен, или испытание о приобретениях наших в учении*.⁴

Среди иноязычно-русских соответствий отметим употребленное в переводе Мабли слово *перемена* как перевод франц. *revolution* в его социальном применении, употребление это повторяется и в «Путешествии»: «Книгопечатание, до перемены 1789 года, во Франции последовавшей». Необычным кажется перевод политического термина в следующей фразе «Размышления» Мабли: «Различие введенное градоначальством (*monarchie*) между гражданами исчезло; не было уже более благородных преимуществами гордящихся; и общее народа собрание имело в каждом городе верховную власть». Обычное французское соответствие для слова *градоначальство* было *magistrature*.

2. Все, что связано в «Путешествии» с просторечной и народной лексикой в языке персонажей, а также и в авторском повествовании, заслуживало большей частью похвалы, хотя и не часто привлекало к себе внимание исследователей. В содержательной статье В. Н. Айдаровой⁵ выделены следующие разряды народных и просторечных языковых элементов «Путешествия»: лексические просторечия (*отбойрил, подцепил, призарился*), многократные формы глаголов (*бывали, прохаживал, говаривала*), уменьшительные суффиксы (*нянюшка, годок, паренек*), использование притяжательных прилагательных (*женын, женихов*),

³ Очевидно, пуризм «Путешествия» имеет в основе определенные представления о художественности. Тредиаковский, первым из русских авторов, сформулировал этот принцип: «Сверх того, я смею доносить, что почитай ни одного от меня в сего Автора токмо переводе не употреблено чужеземного слова, скольбож которья у нас ныне в употреблении ни-были; но все возможные изобразил нарочно, кроме митологических, славенно-росийскими речами: ибо род и важность повести сея того требует» (см.: Барклай Дж. Аргенида, т. I. СПб., с. 61, предисловие).

⁴ Последний случай представляет, возможно, образец сентименталистского перифраза, вообще нечастый у Радищева. Ср. там же: *светило дневное; зрел он отроковицу почти, сидящую подле одра его, тщательно отгоняющую крылатых насекомых* (мух, — А. А.) *с лица его*. В «Ангеле тьмы»: *шаровидный чуеун* (пушечное ядро), *громоражающее смешение* (взрыв, выстрел).

⁵ Айдарова В. Н. Элементы народной речи в «Путешествии» А. Н. Радищева. — Труды Сталинир. пед. ин-та, 1952, т. 1, с. 160—168.

выражения с грубоватой экспрессией (*нагрел бы тебе шею*). Кроме того, отмечены случаи народной фразеологии в авторской речи (*куда глаза глядят, пялить глаза*).⁶

По мнению А. Скафтымова, однако, крестьянская речь в «Путешествии» «всегда мало удачна». В ней слышится и «пасторальная подслащенность», и «искусственность, надуманность, фальшивого просторечия», и «диссонансы искусственных вторжений песенной интонации в общий разговорный тон», и, наконец, «явная, откровенная литературность: славянизмы, запутанность синтаксиса, закругленность, законченность фразеологии».⁷ Здесь, как это ни странно, делается оценка языка персонажей едва ли не применительно к позициям натуральной школы. Между тем опыты Радищева следовали по времени за непоследовательными и натуралистическими приемами комедиографии 60—70-х гг.,⁸ держась в русле умеренных и со вкусом выполненных стилизаций Фонвизина.⁹ Впрочем, народным языком у Радищева впервые говорят не отрицательные персонажи, а герои, выводимые с очевидной симпатией, так что народная речь уже ни в коей мере не служит комическим эффектам, но выражает существенное жизненное содержание.

Подмеченные А. Скафтымовым стилистические приемы пасторального, народно-песенного, возвышенно славянского характера, служащие созданию языка крестьянских персонажей, нужно интерпретировать как проявление осознанной художественности. Пасторальный оттенок лежит на речи Анюты («Едрова»), народно-песенный встречаем в сцене рекрутского набора («Городня»), возвышенно славянский — там же, в скорбных словах прощающейся с сыном матери, — все это представляется чрезвы-

⁶ Пользоваться морфологическим критерием необходимо с большой осторожностью. Действительно, суффиксы уменьшительности зачастую оценивались в Словаре Академии российской (далее сокращенно: САР) как носители сниженной стилистики, однако составители словаря не дают указаний на стилистическую сниженность многократных глаголов (см.: *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии российской». — В кн.: *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. т. I. М., 1949, с. 121—127).

⁷ *Скафтымов А.* Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, с. 93—94.

⁸ «Авторы, пытавшиеся передать язык крестьян, не имели точных представлений об особенностях какого-либо определенного говора, но „создавали“ условный „крестьянский“ язык, механически соединяя все, что им было известно об отличиях языка деревни от литературной или, по крайней мере, от городской нормы» (*Берков П. Н.* О языке русской комедии XVIII века. — Изв. Отд-ния лит. и яз. АН СССР, 1949, т. 8, с. 43).

⁹ Основным средством в характеристике народного языка персонажей у Фонвизина выступал «народно-идиоматический строй речи, основанный не на диалекте, а на общенародном языке: пословицы, поговорки, идиоматические выражения, народные обращения, междометия, ласкательные народные формы, бытовая лексика, народная семантика, уменьшительные суффиксы и, наконец, с чувством меры употребляемая просторечная и областная лексика» (*Гномон-Дзюбанова Н. М.* Стилистическое использование областной и простонародной лексики в русских комедиях второй половины XVIII века. — Научн. зап. Нежинского гос. пед. ин-та, 1958, т. 19, с. 11).

чайно уместным с художественной точки зрения, хотя и не отвечает требованиям литературного реализма. Важно отметить, что в этих сценах Радищев обращается к языку фольклора, а не к народному просторечию, и это можно связывать с предромантической ориентацией Радищева-художника.

Наконец, в тех сатирических сценах «Путешествия», где используются элементы народного просторечия и содержанием которых является, так сказать, «пошлость жизни», мы не встречаем в речи персонажей дополнительных обертонов, здесь сильнее всего чисто бытовые характеристики. Как раз эти сцены А. Скафтымов назвал в качестве исключения удачными: речь Карпа Дементьича («Новгород»), диалог о женитьбе Дурындина («Зайцово»), рассказ о наместнике, любителе устриц («Спасская Полесь»).

В других произведениях Радищева просторечные элементы единичны.

3. Вопрос о языковых новшествах того или иного автора относится к числу наиболее трудных, потому что требует особо твердой опоры на материал. Отмеченные в свое время в качестве новых общественно-политические употребления слов *гражданин*, *общество* и подобных¹⁰ являются неверными, поскольку сделаны на основе сравнения лишь с САР, с его консервативными установками. К несомненным семантическим инновациям Радищева относится первое социологически обоснованное употребление слова *сословие* (III, 167, 174), одно из первых употреблений слова *личность* в значении «индивидуум» (II, 95, 110). Ср. также варианты *единственник*, *особенник*, неоднократно употребленные Радищевым для передачи того же понятия. Знакомство с учением физиократов позволило Радищеву впервые употребить слово *производитель* в современном политико-экономическом смысле («Письмо о китайском торге»). Ср. также в этом «Письме»: *употребитель* (потребитель), *продаватель*, *прибавочная цена*, *прирастающая цена* (прибавочная стоимость), *транзитный торг*, *проходной торг*. Из других любопытных новшеств Радищева укажем: *исполненные шаги*, *гордианский узел*, *развержение* (развитие), *постепенность* (франц. *gradation*), *отвлеченное понятие*,¹¹ *сила средодолящая* (центробежная сила).

Впервые с достаточным основанием вопрос о лексических новшествах Радищева поставила Е. И. Литовченко на ограниченном материале композитов «Путешествия», где их насчитывается

¹⁰ Шведова Ю. И. Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 2. М., 1951. Ср.: Василевская Е. А. О языке и стиле писателя. М., 1968, с. 24—25. То же самое можно сказать о лексических параллелях в статье Л. Ю. Максимова «Славянизмы в языке „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева» (Рус. яз. в школе, 1969, № 6).

¹¹ У В. В. Веселитского (Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., 1972, с. 171) темная ссылка на более раннее употребление этого выражения.

около 400. Среди этого числа композитов много новых слов, где преобладают модели со второй частью *-видный, -образный, -подобный* (*зерцаловидный, кругообразный, смертоподобный*).¹² В «Путешествии» было отмечено также обилие отвлеченных существительных на *-ние*: *возседение, зыбление, кривление, шумление*.¹³ Известно, впрочем, что наибольшее число неологизмов в XVIII в. давали существительные на *-ость*;¹⁴ у Радищева таких около 450, и из них почти 80 слов не отмечено другими источниками эпохи раньше соответствующих употреблений Радищева.¹⁵ Приведем полностью список этих неологизмов Радищева:¹⁶

безвещественность, бездеятельность, беззачитность, безвредность (ВЛ), бесправильность (ВЛ), беспредельность, бессуществование, бестелесность души («О человеке...»), употреблено также Карамзиным в «Письмах русского путешественника»), бесхитрность, благонамеренность («Беседа о том что есть сын отечества»), быстротечность, возвышенность (холм, гора), вьемлемость, гладкость (ВЛ), громоносность, девственность (ср. широко употреблявшееся *девство*), достаточность, единозвучность, завистливость, загрубелость, звучность (Нрд.), краснота (ВЛ), летучесть, малоизвестность, малоопытность, могущество, мощь (правомочность), мысленность («О человеке...»), одновременно в «Московском журнале» за 1792 г.), нагость, надутость (ср. *надутливость, надутость*, употребляемые в 90-е гг. взамен старого *надменность*), нахмуренность, необыкновенность (у Радищева в современном значении, в течение XVIII в. употреблялось со значением «отсутствие навыка, привычки к чему-л.»), неосяза-

¹² Литовченко Е. И. Сложные слова в «Путешествии» А. Н. Радищева. — Учен. зап. Омск. гос. пед. ин-та, 1967, вып. 29, с. 82—93.

¹³ Винокур Г. О. Избранные работы. М., 1959, с. 159.

¹⁴ Мальцева И. М. Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 263, 283.

¹⁵ В «Материалах» Срезневского существительных на *-ость* немногим более сотни (см.: Indeks a tergo do materialow do slownika I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968, s. 294—292). В САР таких образований около 1000 (см.: Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке. — В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959, с. 128). Впрочем, нужно иметь в виду, что «в словарях XVIII—первой половины XIX в. наблюдается стремление представить полностью словообразовательное гнездо слов. Благодаря легкости образования слов на *-ость* они приводятся в словарях подчас и в тех случаях, когда это не соответствует реальному употреблению или даже вообще наличию слов в языке данного времени» (Веселитский В. В. Отвлеченная лексика..., с. 81). Учитывая это, мы включаем в наш список и те слова, которые встретились в одном (но не более) из словарей XVIII в. При обозначении словарей мы используем следующие сокращения: ЛП — Лексикон трехязычный Ф. Поликарпова. М., 1703; ВЛ — Вейсманнов лексикон 1731 г.; ЛВ — Новой лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках С. Волчкова. СПб., 1755; ПК — Н. Курганов. Письмовник. СПб., 1790 (Словарь); Нрд. — Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. И. Нордстетом. СПб., 1780—1782.

¹⁶ Сопоставление проводилось по Картотеке Словаря русского языка XVIII в. (ЛЮ Института языкознания АН СССР). Картотека насчитывает около 2 млн выборок из двух с лишним тысяч источников XVIII в. Наши данные также согласованы с материалами книги: Мальцева И. М., Моложков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975.

тельность, непреложность, неприязненность, непроницательность (ЖВ), неразделимость (Нрд.), неразрушимость, нерешительность, неробость, несвойственность, несообразность (*несообразный* встречается лишь в 1796 г. у Политковского), нетвердость (ЖП), нетрепетность, оберегательность, осязательность, отраженность, первобытность, плавность, плодоносность, повсеместность, подножность, подражательность, последственность, постепенность («О человеке...», одновременно у Карамзина), посредственность (ВЛ), прелестность, присносущность (ЖП), притяжательность, работливость, разделимость, раздраженность, раздражительность, раздумчивость, распускость (обычный вариант *распускость* «распущенность»), расширенность, скардность (Русско-голландский лексикон 1717 г.), смертоносность, смрадность (ЖП), смутность (смута, волнение, мятеж), содрогательность (ср. в «Тилемахиде», т. I, с. 119 — *содрогательство*), соединенность, сожалительность, соседственность, тяжественность, убедительность, уравниность, утлость.

Как видно, в этом списке среди слов, вызванных к жизни лишь затем, чтобы выразить ту или иную мысль и исчезнуть, так называемых окказионализмов, есть слова, получившие долгую и богатую историю. Обилие образований на -ость связано с отвлеченно-интеллектуальным содержанием сочинений Радищева, особенно богато ими рассуждение «О человеке...».¹⁷

Вообще неология была в духе эпохи, в книжном языке того времени «развертывается словотворческое экспериментаторство, нередко безудержная страсть к неологии как по живым и активным словообразовательным моделям, так и по архаизированным типам словообразования».¹⁸ Неологизмы были у каждого писателя, так что возникла парадоксальная ситуация, когда стремление к новшеству, творение новшеств стало обычаем, рутинной.

Модель на -ость принадлежала в XVIII в. к активным словообразовательным моделям. Среди неологизмов-композигов, по наблюдениям В. В. Виноградова,¹⁹ у Радищева есть слова, созданные по немецким образцам: *самонедоверие*, *самоодобрение*,²⁰ *бредоумствование*, *времяточие*,²¹ *глазоврачеватель*,²² *чиносостоя-*

¹⁷ Ср.: «...мысленность человеку сосущественна <...> она его составляет особенность <...> склонности наши производят деятельность необъятную и, яко понятия, чувственности приняты, претворяются в мысли, тако и склонности, в душе преобразовавшись и получив всю свою *расширенность*, становятся добродетели или пороки <...> Поелику в силах душевных является *беспредельность*, и *ограниченность* ее происходит от ее *телесности*, то, отрешенная от нее, она в *деятельности* своей будет свободнее» (II, 136).

¹⁸ *Сорокин Ю. С.* О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 22.

¹⁹ *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 146.

²⁰ В. В. Виноградов приводит примеры только из «Путешествия». В других сочинениях Радищева встречается также *самолюбление*, *самоневедение*, *саморастление*, *самоплодороднейший*.

²¹ Другие подобные неологизмы: *телосмертие*, *умообразие*, *духокружие* (атмосфера).

²² Ср. также *скотоводитель*. Впрочем, и *скотовод*, *скотоводный* впервые встречаются у Радищева («Повесть о приобретении Сибири»). *Скотоводец* употреблено в «Тилемахиде», *скотоводство* — в «Ежемесячных сочинениях за 1755 г.», *скотоводственный* — у С. Десницкого.

ние.²³ В ряду неологизмов-композигов, приведенных Е. И. Литовченко по материалам «Путешествия», много таких, которые с очевидностью принадлежат церковнославянской языковой традиции. Ср.: *единожитие* (ср. *общежитие*, *общежительство*), *любомощение*, *ужасноносный*, *всезиждущий*, *стоглазый* и т. д.²⁴ Ср. также неологизм *ядодатель* (II, 318), появившийся как соответствие франц. *empoisonneur*. Богатая традиция образования сложных слов в церковнославянском и русском языках могла и независимо от немецкого влияния порождать в изобилии неологизмы.

Славянские истоки радищевской неологии настолько глубоки, что иные его неологизмы почти не отличимы от старых церковнославянских слов, можно сказать, они замаскированы под церковнославянизмы, так что обнаруживаются с большим трудом. Ср.: *удручитель* (I, 174; II, 309 — соответствие франц. *oppresseur*), *ущетится* (I, 96; III, 150, «станет тщетным»), *ущетинились* (I, 312), *сочетование* (I, 350).²⁵ В «Путешествии» встречаются также: *уподоблю* (изложу подробно), *неуподобительный*, *лелеятель*, *распламеняя*, *ползущество*, *последственницы*.²⁶ Ср. также в других произведениях: *обезмужал* (лишился мужества), *обезмужение* (лишение мужества), *зыбление*, *ознамениться*, *удомовить* («человек удомовил миролюбивых зверей» — II, 64), *зима обеснования*, *хища* (франц. *proie*) и др.

Таким образом, изучение неологизмов Радищева приводит нас к необходимости оценивать глубину и непосредственность его связей с традицией. Отсюда рождается вывод о том, что его новое стояло на твердом основании (фундаменте) старого.

4. В творчестве зрелого Радищева (имеется в виду прежде всего «Путешествие») бросается в глаза обилие архаических и церковнославянских элементов. Мнения о том, что язык Радищева есть самая слабая сторона его книги²⁷ или что этот язык лежит в стороне от основного пути развития русского литературного

²³ Это слово, обозначающее понятие о сословии, встречается, однако, раньше у И. Болтина (Примечания на историю Леклерка, т. II. СПб., 1788, с. 208, 213). Это сочинение могло быть известно Радищеву. Ср. также *чиноначальство* как обозначение сословия (*Десницкий С. Юридическое рассуждение*. М., 1781, с. 19). Каков мог быть в том и другом случае немецкий образец? К неологизмам Радищева относит *чиносостояние* и Е. И. Литовченко (Сложные слова..., с. 82). В статье С. Ф. Елеонского (Из наблюдений над языком и стилем «Путешествия». — В кн.: XVIII век, сб. 3. Л., 1956, с. 341) дается неправильно: *чиносостояние*.

²⁴ Литовченко Е. И. Сложные слова..., с. 82—85. Кстати заметим, что *законучение* впервые встречается не у Радищева, а в «Разговоре о пользе наук и училищ» Татищева.

²⁵ В церковных книгах встречаются лишь глаголы *удручати*, *тщетити*, *сочетовати*, *сочетоватися*. Наши суждения основаны на «Материалах» Срезневского и «Церковном словаре» П. Алексеева (изд. 4-е. СПб., 1817—1819). Далее сокращенно: Срезн., ЦС.

²⁶ Данные С. Ф. Елеонского (Из наблюдений над языком и стилем «Путешествия», с. 341).

²⁷ См.: *Благой Д.* История русской литературы XVIII в. М., 1946, с. 366.

языка,²⁸ основаны именно на этом его свойстве. Подробные перечни архаических элементов «Путешествия» дают авторы общих обзоров и частных исследований. Те же типы многочисленных архаизмов находим и в других сочинениях зрелого Радищева. Ср. в рассуждении «О человеке...»: *недействующий, возмогающий, телес* (род. мн.), *соглядаяй* (повел. накл.), *силе творческой* (дат. пад.), *обращаем, лествица, наченшееся развержение, мрачнотихое мщение, лакомство* (алчность, зверство) и т. п. Ср. энергичные оброты «Жития Ф. В. Ушакова»: *поженут тебя, да оставишь ристание им свободно; благорасположенная душа его отметала мздоимство; да не дерзнет никто совреци покров сей с очей власти, да исчезнет помышляяй о сем, и умрет в семени до рождения своего*. Библейские реминисценции находим в оде «Вольность»: *злачная долина, крин цветущий, жертва лжива не курится, злато богом признал, плод кровавым трудом достает, сень оливковая, вдовица и сира, злябрь разверстая* и пр.²⁹ Надо заметить при этом, что прямых цитат из священных книг в произведениях Радищева не обнаруживается.

Использование церковнославянских ресурсов не было вполне индивидуальной чертой языка Радищева. Как показал В. Д. Левин, смелое обращение к церковнославянизмам было совершенно в переводах сочинений нравственного и религиозного содержания Фонвизина, в творениях Хераскова, у многих других писателей и переводчиков последней трети XVIII в.³⁰ Обращает, однако, на себя внимание то, что целый ряд церковнославянских слов встречается только у Радищева и ни у кого из современников. Ср. следующие примеры:

ВАРЯТИ (II, 94) — Мф. XXI, 34; XIV, 22; Мр. VI, 45; в САР с пометой «славянское».

НЕЧИСЛЕННЫЙ (I, 390; II, 42) — ЦС: «Нечислен, неизчетный, безчисленный. Пролог июл. 12».

ОБЩНИК (I, 312; II, 93: оранианские общники, т. е. партия принца Оранского) — I Коринф. X, 18. ЦС отсылает к 3 части Православного исповедания веры.

ОТИШНЕ. 1. *Гавань* (I, 284) — Срезн. указывает Изборник 1076 г., Минею 1096 г., Лаврентьевскую летопись;³¹ в САР с пометой «славянское». 2. *Тишина, успокоение* (II, 167). — Срезн. отмечает употребления Гр. Навианзина, Супрасльской рукописи. Ср. у Тредиаковского «стать отишно» (Езда в остров любви. СПб., 1730, с. 205).

СОИТИЕ (I, 191, 354; II, 41, 158) — ЦС: «Соитие, сонмище, или по просту сходбище. Деян. XXIV», «Соитие, совокупление супружеское. Требник, Номоканон». Срезн. цитирует из Юрьевского ев. 1189 г.: «преже даже не съидостяся, обрете ся имоуци во чреве» Мф. I, 18.

²⁸ См.: *Виноградов В. В.* Очерки по истории..., с. 147; История русской литературы, т. 4. М.—Л., 1947, с. 549.

²⁹ *Лехтблау Л. В.* Стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. — В кн.: Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М.—Л., 1940, с. 238.

³⁰ *Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. (Лексикология). М., 1964, с. 20—91.

³¹ Ср.: *Лотман Ю. М.* Радищев — читатель летописи. — Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1965, вып. 187, с. 213—234.

ШЕСТВЕННИК (I, 294) — ЦС: «Шественик, путешественник, странник. Мянся мясяч., авг. 25». **ШЕСТВЕННЫЙ** (I, 235) — ЦС отсылает к «Соборнику».

Аналогичный комментарий можно дать словам *возгнеждати, ключимый, привитать, угоджатися* и др.

Следует отметить также случаи выдержанной церковнославянской семантики тогда, когда слово в господствующем употреблении получало иное значение.

ОГОРЧАТИ *стать горьким*: «Глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от сытости» (I, 290) — ЦС: «Огорчати, огорчевати, *стать горьким*». В XVIII в. слово употреблялось исключительно в переносном значении «опечалить».

УЧРЕДИТЕЛЬ. Только у Радищева встречается *учредитель веселый* (I, 252), *учредитель веселостей* (I, 254). Эти выражения находятся в прямой связи с употреблением церковнославянских текстов. ЦС: «Учреждати — угостить, Деян. X и XXVIII. Учреждение — пир, обед, угощение, Быт. XXI, 8. Учреждатися — угощаему быть кем, Гр. Назианзин», аналогично у Срезн. *Веселие* и *веселость* обозначают у Радищева пиршество. В употреблениях XVIII в. слово *учредитель* отрывается от церковнославянской семантики и поэтоу входит в такие сочетания, как *учредитель законов* (Ф. Эмин), *учредитель супружества* (Десницкий), *учредитель ордена, учредитель масонства* (Карамзин). Впрочем, ср. у Радищева *учредитель плавания, учредитель инквизиции*.

5. Если приведенный перечень церковнославянизмов показывает, насколько хорошо усвоил Радищев завет Ломоносова о пользе книг церковных, то имеются достаточные основания считать, что с Тредиаковским, своего рода антиподом Ломоносова в области языковых вкусов и языковой политики, у Радищева также были весьма тесные связи. Среди употребленных Радищевым слов на *-ость* есть ряд таких, какие на протяжении столетия встречаются лишь у Тредиаковского.

ВНЕШНОСТЬ (человека): II, 48, 238 — «Тилемахида». Первое употребление Радищева в переводе Мабли на 15 лет раньше употребления Карамзина в переводе «Деревенских вечеров» и регистрации слова в САР.

ИСТИННОСТЬ: II, 103, 106, 126 — Тредиаков. Соч. и переводы, т. II. СПб., 1752, с. 258. Нужно отметить, однако, наличие слова в «Примечаниях к Ведомостям» (1741, с. 251),³² а также в ПК, которые все же с гораздо меньшей вероятностью можно признать источниками радищевского заимствования. В 1803 г. слово встречается в «Московском Меркурии».

НАКЛОННОСТЬ: I, 222, 284; III, 263 — «Тилемахида»; отмечено также ВЛ. Значение — «склонность, симпатия»; в значении «наклонная плоскость» встречается у многих авторов.

НЕГЛАДКОСТЬ: I, 7 («в первой песни найдутся негладкости»), 354 («в негладкости стиха») — Тредиаков. Соч. и переводы, т. I, с. 26 («негладкость в стихах»). Показательно совпадение контекстов.

НЕНАСЫТНОСТЬ: I, 385 — «Аргенида». В 1803 г. употребил Шаликов в «Московском Меркурии».

НЕПОСПЕШНОСТЬ: III, 330 — Тредиаков. Соч. и переводы, т. II, с. 278.

СЛОВЕСНОСТЬ (*красноречие*): I, 342, 388, 391, 392, 396 — Тредиаков. Соч. и переводы, т. II, с. 13; Тилемахида. СПб., 1766, т. I, с. XXXVII, LIII.

³² Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования. . ., с. 315.

Ср. также ЛП: «Словесность, ἐλλογιμότης, εὐλογητεία, eloquentia». У слова имеются еще два значения: «дар речи» (употребления у Державина) и «литература, письменность» (употребления, начиная с Карамзина).³³

СОВЕРШЕННОСТЬ: I, 200 — «Езда в остров любви». Ср. *совершенство*, употребляемое широко разными авторами эпохи.

СОМНИТЕЛЬНОСТЬ: I, 374 — «Сокращение философии канцлера Бакона». СПб., 1760 (перевод Тредиаковского). Слово отмечено также словарем Нордстета.

СООБРАЗНОСТЬ: III, 41 — «Тилемахида». Ср. также приведенный радищевский неологизм *несообразность*.

УМСТВЕННОСТЬ: II, 63 — «Тилемахида».

Хотя убедительность этих сопоставлений несколько ослабляется той легкостью, с какой возникали существительные на *-ость*, ни с одним другим автором у Радищева нет такого числа совпадений, не повторенных каким-либо третьим автором. Ср. также редкое прилагательное *присносущий*, идущее от Послания к Римлянам, употребленное лишь Тредиаковским в «Тилемахиде» (т. I, с. 20 — «присносущий свет») и неоднократно Радищевым (I, 28, 205; II, 75, 105). Заслуживает внимания и то, что слово *энергия*, встречающееся в рассуждении «О человеке...», было употреблено только Тредиаковским (Соч., т. I, с. 17, 18). То, что Радищев читал и понимал Тредиаковского, видно достаточно хорошо из его «Памятника дактилохорейческому витязю»; приведенные лексические совпадения показывают, что Радищев и учился кое-чему у Тредиаковского. Следовательно, можно полагать, что далеко не случайным было совпадение определенных стилистических принципов у того и другого автора, выражавшееся прежде всего в том, что оба они не стремились избегать столкновения в одном контексте разногенетических или стилистически противоречивых языковых элементов.³⁴ Здесь-то и расположен тот пункт, где расходились пути Радищева и других архаизаторов, о которых говорит В. Д. Левин. Учение Ломоносова о трех штилях предлагало использовать в рамках одного произведения лексические средства одного стилистического уровня. Фонвизин, Херасков и др., выйдя

³³ Примеры на употребление второго и третьего значений приводит В. В. Веселитский (Отвлеченная лексика..., с. 221—222).

³⁴ «Церковнославянизмы в языке Радищева непринужденно, без всяких стилистических мотивировок и маскировок, помещаются рядом с разговорными русизмами и смешиваются с формами живой устной речи образованного общества, с выражениями простонародного языка и крестьянского фольклора» (Виноградов В. В. Очерки..., с. 146). Ср. из употреблений Тредиаковского в его переводе «Римской истории» Ш. Роллена (т. 1—16, СПб., 1761—1767): «Поппиллий отнес Голову и обе Руки Цицероновы к Суостату его (Марку Антонию, — А. А.), который не убоился насыщать свои зенки (франц. les yeux) толь ужасным зрелищем» (т. 15, с. 77); «кулаком ударил одного из них в рыло (франц. la bouche)» (т. 14, с. 149); «Кассий разсердился очень на него, и ударил его в рожу (франц. le visage) Кулаком» (т. 14, с. 229); «Итак, Римляне начинают дело пырнием (франц. pousser) Дротиков в рожу (франц. contre le visage) Галлам» (т. 4, с. 150). Эти стилистические столкновения навлекали на Тредиаковского упреки в вульгарности.

за пределы традиционных жанров классицизма, в общем и целом придерживались этого принципа, остановив свой выбор на самом важном слого — высоком. Напротив, Радищев смешал в составе одного произведения разные стилистические пласты лексики, особенно наглядно это обнаруживается в «Путешествии», где соседствуют сцены простонародной болтовни и высокой славянской патетики. Своей колоссальной амплитудой стилистических колебаний «Путешествие» наметило обширную область, внутри которой разместилось реальное множество текстов того и последующего времени. Различие же между стилистическими установками Тредиаковского и Радищева заключалось в том, что первый, сталкивая в одном контексте разнородные слова, стремился привести их к нейтрализации, второй — создать контекст большой стилистической емкости (он действовал в условиях теории трех штилей, игнорировать которую было нельзя).

6. То, что церковнославянские языковые средства связались у Радищева в «Путешествии» с выражением высокой гражданской тематики, было замечено давно. Неслучайность этой связи в свое время подчеркнул Л. Б. Лехтблау, проведя типологически близкую параллель с языком английской буржуазной революции 1640—1660 гг., а также указав на известную англоманию Радищева и особенно увлечение Мильтоном.³⁵ Как известно, литературной данью Мильтону был отрывок «Ангел тьмы», язык которого предельно славянизирован.

Различая «библейский пыл» и «ораторский пафос», источником последнего Л. Б. Лехтблау называет Руссо, одного из самых выдающихся мастеров «письменного красноречия». Национальная форма для выражения этих литературных принципов была найдена Радищевым в традиции Ломоносова: «Славно-риторическая концепция Ломоносова была для Радищева своего рода живой отечественной параллелью к воспринятому им ораторскому пафосу Руссо и руссоистов», и далее: «Учение о трех штилях Ломоносова, поддерживавшее авторитет церковнославянского языка, несомненно сближалось Радищевым с стилистическими традициями пуританской литературы».³⁶

Приняв во внимание развитие отечественной ораторской традиции, можно внести уточнение в эту концепцию Л. Б. Лехтблау. Как известно, церковная проповедь получила в начале XVIII в. широкое применение и развитие в практике Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, некоторых других, но особенно Феофана Прокоповича. В неблагоприятное для русской церкви царствова-

³⁵ Лехтблау Л. Б. Стиль «Путешествия...», с. 236.

³⁶ Там же, с. 231, 234—5, 239. Эти суждения дополняет мнение Г. А. Гуковского о том, что церковнославянский язык во второй половине XVIII в. был больше связан с демократическими слоями населения, поскольку они сохраняли большую верность культурной старине (Гуковский Г. А. Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы к исследованию. М.—Л., 1936, с. 188—190).

ние Анны Ивановны проповеди прекратились, но зато возобновились с особой силой с воцарением Елизаветы Петровны. В пастырских словах Дмитрия Сеченова, Маркелла Родышевского, Кирилла Флоринского и других вновь были использованы яркие и выразительные приемы Феофана Прокоповича. Ораторские опыты Ломоносова перенесли эту традицию на светскую почву, где зародилось блестящее академическое красноречие. В 70—90-е гг. академическое красноречие было лучше всего представлено речами профессоров Московского университета.

Эти речи изучены до сих пор совершенно недостаточно в языковом отношении,³⁷ а между тем в них присутствуют знакомые нам уже по Радищеву приемы стилистического использования архаических и церковнославянских языковых элементов. Особенно насыщены архаикой вступления и заключительные части речей, обыкновенно посвященные событию, в честь которого происходило публичное университетское собрание (день рождения императрицы, день интронизации и т. п.), и представляющие собой образцы высокой славянской патетики.³⁸ Однако и в нарративных частях речей, предметом которых могли быть самые сухие и отвлеченные научные вопросы, зачастую встречаются всплески церковнославянской патетики.³⁹ Может быть, правда, что в отличие

³⁷ См. работу В. В. Веселитского «Речи профессоров Московского университета второй половины XVIII века как источник по истории русской научной и отвлеченной лексики» (Изв. Отд-ния лит. и яз. АН СССР, 1965, т. 24). В своих «Филологических разысканиях» (СПб., 1876, с. 69, 117—119) Я. Грот привел выписки из речей пяти профессоров, но лишь затем, чтобы противопоставить «запутанные и длинные периоды» «простоте русского синтаксиса» у Карамзина. «Грот мог бы, однако, заметить, что вообще язык научной прозы, как правило, отстает в изяществе выражения, и тем самым и в выборе слов и форм, от языка художественной прозы, — явление, которое имело место не только в эпоху Карамзина, но и в позднейшее время» (*Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века*. Киев, 1957, с. 200).

³⁸ Ограничимся небольшим числом примеров, хотя их легко умножить. *Аничков Дм.* Слово о разных причинах... М., 1774, с. 5—6: «И прикинул Господь сил и Отец щедрот с высоты Святаго селения Своего на твои прошения, и не презирл твоих воздыханий; посадил на престоле твоём Михаила младого, который разсыпанные члены собрав во едино, и дряхлеющую тебя, по причине многих неустойств, обновив яко орлю юность, от жестоких поражений и глубоких ран свободил и учинил невредиму». *Зыбелин С.* Слово о способе... М., 1780, с. 4: «Умиряй мир и советы твои подавай вселенной Россия, почерпающая из уст бессмертной славою твоею Владычицы! успевай под ея премудрым царствованием, открывай всем благоденствие, благотворя всем, к прославлению твоему и совершению благополучия всего Человечества!».

³⁹ *Десницкий С.* Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества. М., 1775, с. 16: «... первоначальное народов гражданство есть пустыня общая со зверьми; сих ловитвою и былием самораждаемым питается дикий пустынножительный гражданин, вертеп его дом, и одеяние нешвенное из кожи зверския; наг он из утробы матерния исходит плотию, и при первом появлении во свет не меньше прочих животных и разумом облажен». *Зыбелин С.* Слово о сложениях тела человеческого. М., 1777, с. 34: «Представим себе человека во всем совершеннаго, одеяннаго велико-

от Радищева эти языковые элементы используются без достаточной стилистической мотивировки, но это уже дело писательского мастерства.

Связь университетских профессоров с церковнославянской патетической ораторской традицией осуществлялась не только в сфере языка, многие из них получили первоначальное духовное образование в семинариях и академии (Аничков, Барсов, Вениаминов, Десницкий, Зыбелин, Политковский). Некоторые из них еще до Радищева были первыми англоманами в России: Аничков изложил в своей диссертации 1769 г. основы пуританского деизма, Десницкий обучался в Англии и испытал на себе влияние экономического учения А. Смита.⁴⁰ Соучеником Десницкого в Глазго был И. Третьяков. Знакомство Радищева с речами московских профессоров не может вызывать сомнения.

Подводя итоги наблюдений, изложенных в настоящих заметках, можно сделать вывод о неразрывной связи языка Радищева с основными письменно-языковыми традициями XVIII в. В частности, эти связи выразились: 1) в прекрасном владении ресурсами церковнославянского языка, это владение было как бы своеобразным заветом века, выраженным устами Ломоносова; 2) в усвоении языкового наследия Тредиаковского; 3) в тенденции избегать лишних заимствований из современных европейских языков, эта тенденция так или иначе характеризовала всех русских писателей XVIII в.; 4) в усвоении фонвизинской «деликатности» в изображении народного языка; 5) в использовании стилистических приемов отечественной ораторской традиции. Усвоение это не было механическим, каждый раз на его основе возникали индивидуальные радищевские инновации.

Если новое в языке Радищева стояло на твердом основании старого, то старое наполнялось и жило новым. Независимо от того как звучит сегодня для нашего слуха нелегкий и непростой слог Радищева, несомненной является его высокая одухотворенность, обнаженность от банального, что находится в полном соответствии с содержанием радищевских сочинений.

ленно, украшенного всем, что есть драгоценно, обитающего в изобильном храме, где не водворятся ни голод, ни жажда, ни холод, ни болезнь, насыщающегося всем вкусу прелестным, имеющего пред глазами все, что чувства восхищает». *Политковский Ф.* Слово о связи Истории Натуральной с Физикою. М., 1796, с. 21: «Ибо кроме нужды поддерживать свое тело пищею и питьем <...> должен еще (человек, — А. А.) охранять оное от наглости стихий, лютоги зверей, а иногда и от злобы себе подобных, устремляющихся на разрушение его состава телеснаго. Не снабденный от природы одеждою, каковую все животные покрыты для отражения вредных действий зноя и холода, должен сам изобретать оную».

⁴⁰ Как юрист Десницкий был несомненно известен Радищеву: в «Путешествии» (I, 259) содержится похвала Блэкстону, чье «Истолкование английских законов» Десницкий перевел в 1780 г. На это место в «Путешествии» обращает внимание В. П. Семенников в своей кн.: Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923, с. 360.

Нужно признать, однако, что тот литературно-письменный язык, который создал для себя и которым пользовался Радищев, носил характер условности⁴¹ в той степени, в какой опирался на мертвый культурный и священный церковнославянский язык (вследствие чего языковые идеалы Радищева должны были располагаться в прошлом),⁴² в той степени, в какой со страстью и эклектизмом коллекционера он сводил воедино все, чем украшено было языковое прошлое и настоящее отечественной культуры. Естественно, что рожденный таким образом язык не годился для того, чтобы послужить основой национальной культуры, способной объединить основную массу образованного населения разных сословий.

Задачей отбора необходимого из накопленного языкового материала занялся карамзинский «новый слог», что обеспечило ему победу в тот исторический период. Между тем Радищев, соединив в своей практике важнейшие письменно-языковые традиции, как бы подвел итог языковому развитию XVIII в. Как писатель и стилист он обратил взгляд в будущее, предложив содержательные мотивировки использования народных и церковнославянских языковых элементов.

⁴¹ Радищев употребляет членные причастные формы на *-ай, -яй* не только грамматически правильно при субъектах мужского рода единственного числа, но и при множественном числе и при женском роде (*цари седяй, стали творяй, вещественность недействуяй*). Точно так же употребление аориста (*собрашася, согреших, исполнися*) нельзя рассматривать для этого времени иначе, чем стилизацию. Особенно часты случаи предпочтения лексико-морфологических архаизмов среди параллельных образований (*ответствие при ответ*) (ср. подобные наблюдения Г. О. Винокура — «Избранные работы», с. 159).

⁴² Радищев «отчасти даже вопреки своей идеологической направленности в своем слогe культивирует не только отмирающее, но и уже определенно умершее» (*Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка*, т. 2. Киев, 1958, с. 64).